

Якутская классика в «Вольшом» историческом времени
(А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

ЯКУТСКАЯ КЛАССИКА В «БОЛЬШОМ» ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ

Бурцев А.А.
Судзуки Д.

Якутская литература и по глубине нравственно-философского содержания, и по художественному уровню принадлежит к числу самых богатых и развитых среди младописьменных литератур. Своеобразной «метрикой» якуткой литературы, свидетельством о рождении, можно считать наследие её основоположников — А. Кулаковского, А. Софронова, Н. Неустроева, П.Ойунского. Сегодня, когда она достигла совершеннолетия и обрела «паспорт», произведения ее классиков становятся ещё более актуальными.

Вообще отношение к классическому наследию и, в частности, различное восприятие произведений крупных художников слова современниками и последующими поколениями, всегда находилось в центре внимания историков и теоретиков литературы, а также самих писателей. В связи с этим сложился специальный, историко-функциональный подход к литературно-художественным явлениям, задача которого заключается прежде всего в определении места и роли классических произведений в современной художественной культуре, в духовной жизни народа.

В марксистском литературоведении определяющими критериями в оценке литературных произведений служили, как известно, идеологизированные принципы партийности и классовости. В современной науке, в условиях признания приоритета общечеловеческих ценностей, в качестве главных критериев оценки феноменов культуры выступают их нравственно-философское содержание и художественный уровень.

В зарубежной критике еще в конце ХУП века началась дискуссия о «старой» и «новой» литературе, о классической и современной поэзии,

инициаторами которой выступили француз Ш. Перро и англичанин Д. Свифт. Причем оба оказались по одну сторону баррикад: первый в — серии диалогов «Параллели между древними и новыми поэтами», второй — в памфлете «Битва книг» безусловный приоритет отдали современным авторам. Но эта полемика затянулась на целое столетие, и только в начале XIX века романтикам удалось окончательно преодолеть сопротивление эпигонов классицизма.

Вопрос о соотношении классики и современности не раз поднимался и в последующие эпохи, однако при этом между «старым» и «новым» соблюдалась значительная дистанция. Прошлое воспринималось как прошлое, настоящее — как настоящее: классика представлялась как некий стабильный, незыблемый феномен, как элемент завершенного прошлого, как нечто иное по сравнению с текущей, незавершенной современностью.

В первой половине XX века с легкой руки представителей англо-американской «новой критики» начался очередной виток «переоценки», «пересмотра», «нового прочтения» классического наследия, в процессе которого была выдвинута принципиально новая идея о ретроспективной подвижности прошлого (Урнов, 1982, с.64). Эту новую теорию традиции инициатор «переоценки» Т. С. Элиот сформулировал следующим образом: «Прошлое испытывает воздействие настоящего в такой же мере, в какой настоящее определяется прошлым» (Элиот, 1953, с.16).

Важнейшая особенность выдающихся художественных явлений состоит в том, что они не только включают в себе черты времени, которому обязаны своим возникновением, но и вступают в соприкосновение с последующими эпохами. В связи с этим М. Бахтин писал о «жизни» литературы в «большом» историческом времени.

В истории литературы немало примеров, как резкого неприятия, так и идеализации как классического наследия прошлого в целом, так и творчества отдельных, в том числе великих, художников слова. Например, в начале 20 века

Якутская классика в «Вольшом» историческом времени (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

русские футуристы потребовали «сбросить с парохода современности» самого Пушкина. Примерно тогда же Б. Шоу написал пародию на шекспировскую трагедию «Юлий Цезарь» и с присущей ему парадоксальностью пригрозил выкопать его (Шекспира) и побить камнями.

Нечто подобное происходило и с первыми якутскими писателями, на долю которых выпала очень сложная судьба. Действительно, «история отношения к наследию классиков стала историей «взлетов» и «падений» национального самосознания, ибо чувство ментальной цельности, духовной защищенности народа во многом зависит от осмысления вклада в становление национальной духовности его ярких личностей» (Литература Якутии XX века, 2005, с.3). Острые споры о литературном наследстве в определенной степени объяснялись особым статусом словесного искусства в якутской культуре. Именно литература долгое время оставалась единственной трибуной, единственным средством выражения общественной позиции и защиты достоинства человека.

В настоящее время с большой остротой встает вопрос не только о новом восприятии классического наследия, но и о разграничении классики и беллетристики. По-прежнему актуальной остается проблема выявления отличительных черт классики, обуславливающих ее длительное историческое существование.

В литературной классике, в том числе в произведениях первых якутских писателей, обнаруживаются такие качества, как трактовка вечных вопросов, бесконечная глубина нравственно-философского содержания, высота эстетических достоинств, позволяющая ей отражаться в смежных видах искусства, оригинальность и сложность поэтики на всех ее уровнях.

Творчество первых якутских писателей сформировалось в атмосфере сложных жизненных и идейных исканий начала XX века. Классики якутской литературы были не только заинтересованными свидетелями, но и участниками многих важнейших событий первых десятилетий прошлого столетия, поэтому их

произведения передают дух того времени и помогают нашим современникам ориентироваться в сегодняшней тоже крайне сложной, переломной эпохе. Произведения первых якутских писателей проникнуты предчувствием неизбежности грядущих перемен, пафосом преобразования и прогресса, идеями демократии и гуманизма. Все это созвучно современной эпохе.

С другой стороны, от той эпохи нас отделяет довольно значительный промежуток времени. Причем отделяют не только годы, но и перемены, которые произошли как в мире, так и в стране. Тем более поражает глубокий пророческий дар классиков якутской литературы, прежде всего А. Кулаковского, который не только задумывался над надвигающимися глобальными проблемами цивилизации, но и предлагал свои варианты их решения

Для А. Кулаковского как поэта философского склада вообще характерно выраженное пророческое начало. Эта устремленность вперед, пафос будущего сближает его с классической русской литературой. Как в свое время пронизательно заметил Н. Бердяев, русская литература – самая профетическая в мире, она полна предчувствий и предсказаний, ей свойственна тревога о надвигающейся катастрофе.

В поэме «Сновидение шамана», самом профетическом произведении якутской литературы, А. Кулаковский создал впечатляющую футурологическую картину грядущих мировых катаклизмов. «Закат мира» будет сопровождаться, по его мысли, войнами, кризисом производства, стихийными бедствиями и невиданным голодом.

Параллельно с русскими мыслителями, создателями философии всеединства, якутский поэт пришел к осознанию нерушимой целостности всей земной и космической сферы. Фактически А. Кулаковский предвосхитил то, что сегодня получило название «нового мышления», а именно тесную взаимосвязь микрокосма человека и макрокосма мира, материального и духовного фактора,

Якутская классика в «Вольшом» историческом времени (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

экономики, политики, культуры и нравственности, прошлого, настоящего и будущего.

По мнению А. Кулаковского, нарушен некий «баланс» между «естественностью» и развитием современной цивилизации. Ответственность за это поэт возложил на «большие» народы. Их отношение к природе связано исключительно с борьбой и подчинением. Сама природа воспринимается как чужая, враждебная человеку стихия. Все сводится к беспощадному использованию природных ресурсов. Результатом такого «прометеевского» отношения не может не стать нарушение «правильного пути», конфликт с «естественным» природным началом внутри себя, внутренняя опустошенность.

Негативной установке по отношению к природе, характерной для современной цивилизации, А. Кулаковский противопоставил просветительскую в своей основе философию природы, ориентированную не на борьбу, а на гармонию, не на подчинение, а на сотрудничество, не на утилитарное потребление, а на раскрытие в человеке «естественных» природных добродетелей.

Настоящий гимн «естественной» стихии, прекрасную симфонию, соединившую воедино природную «ноту» с человеческой «нотой», А. Кулаковский создал в поэме «Наступление лета», которая вместе с «Сновидением шамана» составляет единую художественно-философскую дилогию.

В «Сновидении шамана» он выразил солидарность с идеей самоценности каждой нации, ее культуры и языка, высказанной еще И. Гердером в работе «Идеи к философской истории человечества». Вслед за немецким мыслителем А. Кулаковский приходит к осознанию индивидуальной специфики, неповторимого своеобразия каждого народа и его исторической судьбы.

Проблема возрождения и сохранения национальных культур и языков приобретает особую актуальность в наше время. Угроза исчезновения по-

прежнему висит над малочисленными народами. О возможных духовных потерях для человечества, вызванных этим процессом, хорошо сказал в своей Нобелевской речи в 1970 г. А. Солженицын: «Исчезновение наций обеднило бы нас не меньше, чем если бы все люди уподобились в один характер, в одно лицо. Нации – это богатство человечества, это обобщенные личности его...» (Солженицын, 1973, т., 6, с. 360). А. Кулаковский задумывался над этой проблемой уже в начале 20 века.

Наследие первых якутских писателей – А. Кулаковского, А. Софронова, Н. Неустроева, П. Ойунского – в полной мере подтверждает тезис о том, что классические произведения обнаруживают способность открыться новыми гранями в новых исторических условиях и принять живое участие в современной общественной и культурной жизни. Творчество якутских классиков наглядно свидетельствует о том, что литературные произведения приобретают статус классических не только в силу своего гуманистического пафоса и высоких эстетических достоинств, но и наличия глубокого нравственно-философского содержания, рассчитанного на историческое функционирование в «большом» времени.

Л. Толстой говорил, что время «просеивает» литературу. Перефразируя слова мэтра русской литературы можно сказать: «Просейте якутскую литературу, останутся А. Кулаковский, А. Софронов, Н. Неустроев, П. Ойунский. Просейте их творчество, останутся «Сновидение шамана», лирика А. Софронова, новеллы Н. Неустроева, «Красный шаман» и «Кудангса Великий».

Современность этих вершинных явлений якутского словесного искусства определяется присущим им качеством широких философских обобщений и социального прогнозирования. Произведения классиков якутской литературы, в частности поэма-концепция А. Кулаковского «Сновидение шамана», олонхотойук «Красный шаман» и повесть-предание «Кудангса Великий» П. Ойунского, способствуют глубокому осмыслению исторических закономерностей,

Якутская классика в «Вольшом» историческом времени (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

выявлению сложной диалектики развития современного общества, раскрытию связей судеб отдельных личностей с судьбой народа.

«Красный шаман» по своему общему пафосу, трагической глубине конфликта, усложненной характерологии в типологическом плане близок к шекспировскому «Гамлету». Для героя П. Ойунского тоже характерно экзистенциальное сомнение в том, сможет ли он

*Открыть глаза угнетенным,
Незрячих заставить прозреть,
Зажечь в сердцах свободы пламя?..*

...Волшебным словом

Помочь к лучшему изменить

Жизнь всех несчастных людей,

Полную бедствий, горя и мук?!

(Пер. Е. Сидоров)

Повесть «Кудангса Великий» тоже содержит надсюжетное содержание. Герой П.Ойунского поражает своей сложностью и противоречивостью. С одной стороны, он, опираясь на свой многочисленный род и несметное богатство, возомнил, что «предназначен быть главой всех саха». Но, с другой стороны, в нем присутствует прометеевское, тираноборческое начало; он заставляет шамана Чачыгыр Таас разрубить звезду Чолбон и тем самым спасает народ от гибели. Когда нагрянула новая беда — вспыхнула эпидемия, Кудангса снова прибегнул к крайней мере: решив породниться с небожителями, погубил лучших людей своего рода, в том числе собственных детей. В результате народ проклял его, и он влачил жалкое существование до тех пор, пока не умолил все того же шамана Чачыгыр Таас достать ему выкованный мифическим кузнецом Кытай Бахсы «волшебный острый меч-кылыс, который сам рубил бы, одержимый

сверхъестественной силой». И от этого «кровожадного, сверкающего огнем» меча он сам погибает. Поистине, кто с мечом придет, от меча и погибнет. Иными словами, объективный смысл повести П. Ойунского, участника революции, ставшего свидетелем братоубийственной гражданской войны и позднее погибшего в результате репрессий, выходит за рамки его собственных политических взглядов и заключается в осуждении «большевизма» и тоталитаризма. Такой вывод соответствует пафосу русской классической литературы, в частности, близок к герценовской идее обреченности любой революции, прибегнувшей к насилию и призвавшей «к топору». В данном случае, если воспользоваться словами немецкого поэта Г. Гейне, перо гения оказалось сильнее самого гения, то есть П. Ойунский как писатель оказался выше себя самого как идеолога.

В образе Кудангсы Великого присутствует также донкихотовское начало в том смысле, что он боролся со злом неверным способом, как это делал герой Сервантеса, рыцарь Печального образа. Его цель, а именно защита «родного племени-народа», сама по себе прекрасна и благородна, но результатом его усилий стали распри и вражда между людьми, «непримиримый спор-раздор меж рабом и господином, меж бедным и богатым, меж прошлым и настоящим». Наконец, Кудангса Великий, фигура во всех отношениях трагическая, приобретает черты экзистенциального героя, обреченного на фатальное одиночество. Не случайно по велению Юрюнг Аар Тойона «грозное небо низвергло девять великих огненных смерчей на вихревых крыльях, все три дня и три ночи тело Кудангсы Великого крутили, мололи нещадно» и «разбросали-развезли по родной земле, по всему миру прах его». В авторском примечании указано, что «неприкаянная плоть Кудангсы Великого, превратившись в кровожадный дух Илбис, бродит, одержимая сверхъестественной силой».

Художественная проза П. Ойунского тоже содержит идеи, имеющие непосредственное отношение к современности. В рассказе «Александр

Якутская классика в «Вольшом» историческом времени (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

Македонский» на историческом материале рассматриваются проблемы власти и славы, роли личности в истории, проникнутые актуальнейшим смыслом. Рассказ был написан в 1935 г., когда сложные процессы происходили как на международной арене, так и внутри страны. В Европе поднимал голову фашизм, у нас утверждался культ личности и начались репрессии. В этих условиях якутский писатель недвусмысленно осудил тиранию и жестокость. Его герой, покоривший многие страны и народы, приходит к осознанию эфемерности славы великого завоевателя и создателя мировой империи. Он сравнивает свою славу, добытую огнем и мечом, с «каплей воды, упавшей в песок». Причем негативная оценка авторитарного режима была вынесена П. Ойунским синхронно с первыми опытами порицания тоталитаризма в зарубежной литературе - романами Г. Манна «Верноподданный», А. Кёстлера «Слепящая тьма», Д. Оруэлла «1984». В другом рассказе «Соломон Мудрый» П. Ойунский использовал библейскую образность для проповеди радости жизни, земного счастья и любви, что тоже косвенно свидетельствовало об его оппозиции антидемократическому, античеловеческому режиму.

Генетическая связь с устным народным творчеством обусловила характерную для П. Ойунского обобщенность художественного мышления. В своих программных произведениях — философской драме-концепции «Красный шаман» и повести-предании «Кудангса Великий» — якутский поэт попытался в поэтической форме осмыслить современную ему эпоху вселенских катаклизмов, объять национальное бытие в целом и включить его в «макрокосм» истории. Это привело его, как и А. Кулаковского, автора поэмы-концепции «Сновидение шамана», не просто к сложному синтезу национальных и общечеловеческих проблем, но и к некой новой эстетической структуре, а именно к принципу «космовидения», позволившему соединить локальное и универсальное в новое художественное единство. Таким образом, в плане художественном якутская литература в лице А. Кулаковского и П. Ойунского предвосхитила опыт ряда

«молодых» литератур стран Латинской Америки и Африки, а в плане философском поднялась на новый, «ноосферный» уровень понимания бытия человека и человечества, характерный для развитых литератур Запада.

Лирика А. Софронова и проза Н. Неустроева носят современный характер потому, что глубоко раскрывают национальную ментальность и специфику национального характера.

Сегодня можно по-новому расценить удельный вес отдельных жанров в творческом наследии А. Софронова. Его драмы, естественно, сохраняют свое значение как художественная энциклопедия дореволюционной якутской действительности. Но в них, как, впрочем, и в рассказах, приоритет отдавался в основном социальной проблематике и характерологии. То есть, как бы ни были значительны его достижения в жанре драмы и новеллы, наибольший вклад он внес, на наш взгляд, в поэзию. Именно в лирике в большей степени, чем в драматургии и прозе, воплотились его самые сокровенные мысли и чувства. Г. Гейне как-то сказал, что через сердце поэта проходит великая трещина мира, а А. Фет добавил, что он словно на ладони протягивает людям свое сердце. В субъективных переживаниях якутского поэта глубже и тоньше, чем в прямом, непосредственном изображении социальных коллизий, выразились идейно-философские и нравственно-психологические коллизии и симптомы переломной фазы общественно-исторического развития. А. Софронова не раз упрекали в «ограниченности» масштаба, «камерности» поэзии. Действительно, у него нет громких, зажигательных строк, он никогда не был трибуном, «агитатором, горланом-главарем». Но именно он, как никто другой, сумел передать смятение и взволнованность человека при виде ломки вековых устоев, коренных изменений общественных отношений. Именно в поэзии А. Софронова наше время высветило такие оттенки мыслей и чувств, которых не раскрыла вчерашняя эпоха.

Якутская классика в «Вольшом» историческом времени (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

Что касается Н. Неустроева, то в своих рассказах он сделал то же, что и А. Софронов в лирике – изобразил состояние целого народа и его отдельных представителей в переломную эпоху. В его рассказах фактически нет развернутых, детализированных объективно-нейтральных описаний социальной действительности, а речь идет о так называемых «вечных» вопросах – нравственно-философских и морально-психологических, — так или иначе связанных с феноменом личности.

Представление о человеке как «мере всех вещей» позволило писателю глубже и тоньше, чем в прямом, непосредственном изображении социальных коллизий, раскрыть состояние общества. В самом деле, в новеллистике Н. Неустроева нарастает драматическое начало. Его рассказам присуще обостренное чувство трагизма и катастрофичности современного этапа общественного развития. Не случайно во многих из них появляется герой, находящийся в кризисном положении. Не случайно сквозной становится тема упадка, разложения, смерти. Она воплощена, в частности, в рассказах «Рыбак Платон», «Прокаженные», «Презрение».

Комедии Н. Неустроева «Голова Кукаакы», «Злой дух», «Тар», «Жестокая судьба» оказываются востребованными сегодня, когда возникает необходимость осветить некоторые симптомы нравственной болезни современного общества с духовных высот классика якутской литературы. Последняя пьеса «Жестокая судьба», обозначенная автором как «романтическая драма» и снабженная эпиграфом из А. Островского – «Жестокие нравы, сударь!», вообще стоит особняком не только в творчестве Н. Неустроева, но и в целом в якутской драматургии того времени. В жанровом отношении она не укладывается целиком в рамки комедии, а в тематическом плане не ограничивается постановкой проблемы общественного и личностного статуса женщины. В ней обнаруживаются черты так называемой «новой драмы», возникшей в западноевропейской (Г. Ибсен, Б. Шоу, А. Стриндберг) и русской (А. Чехов, М.

Горький) литературе в конце XIX – начале XX вв. В идейно-содержательном отношении речь идет о пафосе надвигающихся перемен, о нежелании героев смириться с существующим положением. В художественном плане признаками «новой драмы» являются усиление роли диалога с элементами дискуссии, авторские ремарки о состоянии природы («лето», «березовая роща», «гроза с громом и молнией», «ветер»), «открытый» финал пьесы.

Классики якутской литературы в первую очередь были озабочены судьбой родного народа, но в то же время им была присуща характерная для великой русской литературы «всемирная отзывчивость». С одной стороны, в их творчестве не могли так или иначе не отразиться многовековой духовный опыт и историческая память народа, имеющего уникальную судьбу и прошедшего через сложные испытания. С другой стороны, для произведений якутских писателей характерен общечеловеческий пафос, идея общности людей и единства их планетарной судьбы. Тем самым материал якутской литературы подтверждает общее правило: классика выходит за рамки национальной культуры и становится достоянием всечеловеческого масштаба.

Еще одним убедительным подтверждением этой истины стало признание ЮНЕСКО якутского эпоса олонхо «шедевром устного нематериального наследия человечества» («A Master piece of Orland Intangible Heritage of Humanity»). В этом отношении приоритетная заслуга введения эпоса олонхо и в целом якутского фольклора в широкий культурный обиход тоже принадлежала классикам национальной литературы, в первую очередь А. Кулаковскому и П. Ойунскому.

Вообще якутская культура довольно долго носила литературоцентрический характер, так как другие виды художественной деятельности получили развитие позже, чем устное и письменное словесное искусство. В связи с этим уместно предположить, что своими успехами современная якутская культура, прежде всего театр, балет, изобразительное искусство, в немалой степени обязана

Якутская классика в «Вольшом» историческом времени (А. А. Бурцев, Д. Судзуки)

именно литературе. К тому же якутская культура опять-таки благодаря посредничеству литературы сохранила связи с фольклором, мифологией, даже с таким уникальным феноменом, как шаманизм, и это придает ей внутреннюю энергию, свежесть и самобытность (Бурцев, 2007, с.160).

Литература

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., Художественная литература. 1975.
2. *Бердяев Н.* Русская идея. СПб., Азбука-классика, 2008.
3. *Бурцев А.А.* Якутская классическая литература и современность. Якутск, 2007.
4. *Кулаковский А. Е.* Сновидение шамана. М., Художественная литература, 1990 .
5. Литература Якутии XX века (Историко-литературные очерки). Якутск, 2005.
6. *Ойунский П. А.* Кудангса великий. Якутск, 1930,1929.
7. *Солженицын А. И.* Нобелевская лекция по литературе. Собр.соч. Том 6. Франкфурт на Майне, 1973. С. 360.
8. *Урнов Д.М.* Литературное произведение в оценке англо-американской «новой критики». М., 1982.
9. *Шоу Б.* Цезарь и Клеопатра. // *Пьесы.* М., 1981.
10. *Eliot T.S.* Selected Essays. London, 1953.